

ва и совершенно справедливые. Кто знал сего мужа в гражданской и семейственной его жизни, тот мог легко угадывать самые тайные помышления его души. Они клонились к пользе общественной, к любви изящного во всех родах, и особенно к успехам отечественной словесности. Он любил отечество и славу его, как Цицерон любил Рим; он любил добродетель как пламенный ее любовник, и всегда, во всех случаях, оставался верен своей благородной страсти» [К.О.Б.А. 1814: 89-90]. Можно лишь добавить, что оба они испытывали также благородную страсть к просвещению и что имя М.Н.Муравьева всегда будет упомянуто рядом с карамзинской «Историей...».

Литература

- Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Н.М. Карамзина. СПб., 1866.
Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984.
Карамзин Н.М. Письма к М.Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845. № 1. С. 1-16.
Карамзин Н.М. Письмо к Мантейфелю // Петербургские ведомости. 1866. № 325.
Карамзин Н.М. Письмо к Н.Н.Новосильцеву // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 140-141.
К.О.Б.А. <Батюшков К.Н.>. Письмо к И.М.М.А. <И.М. Муравьеву-Апостолу> о сочинениях Г. Муравьева, изданных по его кончине. М., 1810 // Сын отечества. 1814. № 35. С. 87-116.
Муравьев М.Н. Опыты истории, словесности и нравоучения... М., 1810.
Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. М., 1866.
Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12. М., 1949.

И.Ю. Фоменко

Москва, РГБ

Учебные пособия по русской истории для детей и юношества в докарамзинской историографии

Вторая половина XVIII в. – определяющий этап становления русской историографии, годы решения сложнейших задач, среди которых особое место занимало создание слога исторического повествования. Уже в 1754 г. М.В.Ломоносов писал Л.Эйлеру, что императрица Елизавета «заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю» [Ломоносов 1950, 6: 574]. Действительно, задача написания русской истории в течение всего XVIII в. в значительной степени воспринималась как

задача стилистическая. И прежде всего было необходимо преодолеть инерцию стиля летописного повествования¹. Разрыв с летописью («не летописец пишу, но историю», – декларировал М.М.Щербатов) осознавалась всеми русскими историками. Они рассматривали летописи как «хранилища материалов», из которых «подобно как из рудопроходной ямы добывается руда, <...> искусством и трудом выплавливается чистейший металл, то есть История» [Летопись 1767: 22]. Однако рудименты летописного стиля изложения отчетливо просматриваются в работах многих русских историков XVIII века.

Общий ход развития России, лаконичную, но емкую картину исторического пути, пройденного русским народом, представил М.В.Ломоносов в «Кратком российском летописце с родословием» (СПб, 1760) и «Древней российской истории» (СПб., 1766). Его труды приобрели особое значение в связи с острой необходимостью подготовки учебных пособий по русской истории. Во второй половине XVIII в. история наиболее серьезно преподавалась в Московском университете [Пештич 1961, 2: 59]. Там был подготовлен и издан перевод труда И.Фрейера «Краткая всеобщая история для употребления юношества» (М., 1759). Переводчик, студент, в дальнейшем профессор, а затем ректор Московского университета Х.А.Чеботарев (1746-1815) расширил книгу Фрейера разделами, посвященными русской истории. О причинах, побудивших его доработать Фрейера, а так же об источниках этих дополнений лучше всего сказал сам переводчик в предисловии к книге: «Совершенство ж сего издаваемого мною исторического сокращения, требовало, чтоб Российскую Историю <...> присовокупить, которая здесь по причине недостатка лучшего в сем роде сочинения, от слова до слова внесена из Краткого Российского летописца покойного <...> Михайла Васильевича Ломоносова» [Фрейер 1769: 17-18].

Чеботарев и сам много лет преподавал в Московском университете отечественную историю. В 1805 г. московский купец и книгопродавец

¹ Особые выразительные возможности летописной манеры повествования в XX в. были раскрыты и по достоинству оценены отечественным литературоведением, особенно в работах Д.С.Лихачева и его школы; речь идет исключительно о восприятии летописей историческим сознанием человека XVIII в.

П.А.Вавилов сдал в типографию С.А.Селивановского конспективную запись лекций Чеботарева по русской истории, не известив об этом самого лектора. После протеста Чеботарева при поступлении очередной части текста в цензуру, издание прервали. Первые листы набора хранятся в отделе редких книг и рукописей библиотеки Московского университета [Словарь 2010, 3: 393]. Данный эпизод - яркое свидетельство нехватки учебных пособий по русской истории, сохранявшееся вплоть до начала XIX в.

Хотя многие исторические труды Чеботарева остались неопубликованными, их научная глубина и оригинальность была очевидна современникам. А.Л.Шлецер (1735-1809), немецкий ученый, живший и работавший в России, называл Чеботарева своим руководителем в российской истории. Шлецер преподавал в т.н. "академии на 10 линий" Васильевского острова, учрежденной К.Г.Разумовским для узкого круга своих детей и детей знакомых (А.В.Олсуфьев, Г.Н.Теплов и др.). Этот своеобразный педагогический опыт отразился в подготовке Шлецером учебников статистики и истории [Русский биографический словарь 1896: 340]. В 1774 г. было издано его «Изображение российской истории», содержащее краткую характеристику пяти основных периодов российской истории. В 1789 г. он издал «Предуготовление к истории для детей», в котором давалось общее понятие о предмете исторического исследования. Задачи создания систематического курса русской истории, написанного в доступной для детей форме, эти книги не решали.

В последние годы XVIII в. была опубликована «Детская российская история, изданная в пользу обучения юношества» (Смоленск, 1797). Книга вышла в свет в типографии Приказа общественного призрения без указания имени автора. В эти годы смоленскую типографию содержал опытный купец-книгоиздатель И.Я.Сытин, в павловскую эпоху перенесший свое дело из Петербурга в провинцию. Книга представляет собой умело составленную компиляцию из трудов русских историков, прежде всего, В.Н.Татищева, академических публикаций исторических источников, например, «Правды русской». В 1811 г. книга была переиздана с дополнениями, посвященными

событиям русской истории начала XIX в. и с указанием на титульном листе автора - «Смоленского народного училища учителя Н...Е...» (предположительно, Николай Ефремов).

В 1799 г. была опубликована «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи», учебное пособие, составленное незаурядным педагогом, жившим и работавшим в России сербом Ф.И.Янковичем де Мириево. Под его руководством была проведена огромная работа по подготовке учебных пособий по ряду предметов. Многие из них в конце XVIII - начале XIX в. выдержали десятки переизданий. «История» вышла только в 1799 г., хотя ее план был предложен Ф.И.Янковичем де Мириево значительно ранее [Пештич 1961,2: 61-63]. Его учебник имел многие достоинства, главными из которых являются лаконизм языка и четкость изложения. Но факты комментируются излишне сухо, а оценка событий или не дается вовсе, или дается сугубо официальная.

Итак, в XVIII в. авторы пособий для детей и юношества еще не пытались ни дать беллетризованное описание событий, ни научить юных читателей философскому осмыслению исторического прошлого. Волей судеб самое непосредственное участие в решении этих сложнейших задач, пришлось принять М.Н.Муравьеву. С 1785 по 1796 год он преподавал внукам Екатерины II великим князьям Александру, будущему императору, и Константину русскую историю.

Екатерина II сделала хороший выбор, предложив Муравьеву стать преподавателем ее внуков. Уже в 1779 году молодой литератор задумывался о стиле исторического повествования, о достоверности и вымысле в историческом изложении. «Сличая» исторические труды М.В.Ломоносова и Ф.А.Эмина, Муравьев приходит в восторг именно от слога Ломоносова, история которого отличалась, с его точки зрения, «ученостью без сухости» и «красноречием без возгласения» [РГБ ф. 293, картон 1, ед.2: Л.1]. Точна и строга его оценка «пространной без вкусу» «Истории» Эмина, который делает «везде роман из истории» [Там же].

Позднее, когда Муравьев был поставлен перед необходимостью создания краткого, живо и ярко написанного курса русской истории, четко и в доступной для юношеского восприятия форме излагающего основные события и факты, особое значение для него приобрела именно «Древняя российская история» М.В.Ломоносова. Однако Муравьев, возможно, учел опыт не только Ломоносова, но и Эмина, труд которого являлся первой, пусть не вполне удачной, попыткой создания беллетризованного повествования о событиях русской истории.

И летописи, и труды «собирателей истории нашей», В.Н.Татищева, М.М.Щербатова, Н.И.Болтина – Муравьев рассматривал как сырой материал, который еще предстояло облечь в художественную форму, завершив тем самым «торжественный раскол с летописью». Этот круг проблем волновал русских историков не один десяток лет. Много позже, в 1816 г., отдавая на суд читателей первый том своей «Истории», Н.М.Карамзин также отмежевывается и от летописи («историк – не летописец») и от романа («история – не роман и мир – не сад, где все должно быть приятно»).

Говоря о Муравьеве-преподавателе, нельзя забывать, что в Европе существовала традиция создания специальных курсов, которые готовили для наследников царских фамилий их воспитатели, известные литераторы. Ф.С.Фенелон обучал внука Людовика XIV, герцога Бургундского. Э.Б.Кондильяк был воспитателем внука Людовика XV; в ходе занятий он составил многотомный «Курс занятий по обучению принца Пармского» (раздел по истории готовил Г.Б.Мабли). Муравьев был хорошо знаком с трудами этих ученых. Не исключено, что и Екатерина II, предложившая Муравьеву занять место воспитателя ее внуков, имела в виду эту традицию. В ходе преподавания Фенелон подготовил «Разговоры мертвых» – цикл бесед между историческими деятелями разных эпох о событиях, участниками и очевидцами которых они были. Удачную мысль использовать этот жанр в преподава-

тельских целях, возможно, усвоил Муравьев, также подготовивший для своих воспитанников цикл «Разговоров мертвых».²

Между «Разговорами» Фенелона и Муравьева наблюдается соответствие по типу и функции: каждый разговор предваряется теоретическим или дидактическим тезисом, иллюстрацией к которому и служит сам диалог. Например, тезис «Тиранство часто бывает пагубнее для владетелей, нежели для народа» проиллюстрирован разговором Солон и Лизистрата [Фенелон 1768: 34], а тезис «Величество, получаемое злодейством, не может принести ни славы, ни постоянного благополучия» подкрепляется диалогом Ромула и Рема [Фенелон 1768: 23].

Не исключено, что при написании «Разговоров» Муравьев учел и опыт Ф.А.Эмина, который ввел в свою «Историю» монологи и диалоги исторических лиц. Введение в историческое повествование вымысла в известных пределах допускалось эстетикой классицизма. Ш.Батте писал: «Хотя Историк не имеет равной должности (с поэтом, - И.Ф.), однако он также находится в середине между истиною и вымыслом» [Батте 1807, 4: 206]. Одним из путей проникновения в историю вымысла считалось введение в нее монологов и диалогов исторических деятелей. Вопрос о праве историка на реконструкции такого рода также дискутировался европейскими теоретиками: «Как примечено было, что чем более действующие лица сами говорят, тем жарче и живее бывает повествование, то Историки <...> заняли нечто от способа Поэтов. <...> Иногда историки сами предпринимают сочинять говоренные, или даже и совсем неговоренные речи» [Батте 1807, 4: 229-230].

Остановимся подробнее на одном примере обработки летописного сказания разными русскими писателями, в том числе Муравьевым в «Разговорах», так как пример этот весьма показателен. В «Летописи Нестеровой» под 977 годом давался рассказ о братоубийственных распрях Ярополка и Олега. Эти распри кончились тем, что молодой Ярополк, находившийся под влия-

² Популярный в русской литературе XVIII - начала XIX в. жанр «разговоров мертвых» относится к числу малоисследованных - см.: [Кузьмин 1795: 87-91]. Плодотворной представляется гипотеза А.Н.Пашкурова о возможности рассмотрения муравьевских «Разговоров» в системе его драматических произведений (см.настоящий сборник).

нием воеводы Свенельда, которому Ярослав умирая поручил опекать его сына, оказывается виновником гибели Олега. Это место – одно из немногих в русских летописях – содержало реплики исторических лиц, давало возможность задуматься об их характере, о мотивах поступков, которые можно было оценить не однозначно.¹ Летописный рассказ звучал так: «В лето 6485 поиде Ярополк на брата своего на Ольга <...> и победи Ярополк Ольга. <...> И вшед Ярополк в град Ольгов прия власть его, и посла искати брата своего <...> и рече един Деревлянин: "Аз видех вчера, яко сопхнуша с мосту" и посла Ярополк искати брата, и влачиша трупие из гробли от утра до полудни и налестоша на исподи Ольга под трупием, и вынесоша, и положиша на ковре. И прииде Ярополк над него, и плакася, и рече Свенельду: "Виждь, сего ты еси хотел" <...> и погребоша Ольга <...>; и прия власть его Ярополк» [Летопись 1767: 66-67]. Этот исполненный подлинного драматизма летописный рассказ, известен также в обработке Ломоносова, который усилил его эмоциональные моменты и расширил монолог Ярополка: «На ковре положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: "Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, – Свенельду сказал со гневом, – видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?» [Ломоносов 1950, 6: 247-248].

Текстом Ломоносова воспользовался Эмин, который дал иную психологическую окраску действиям и словам Ярополка, подчеркнув его коварство и лицемерный характер его раскаяния: «Ярополк, видя тело брата своего, притворно жалостным воскликнул голосом: "Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого. <...> А ты, мститель, обратясь к Светояду (так, И.Ф.) со гневом сказал, до чего довел мое легкомыслие". Видно, что и гнев и жалость сего князя были притворны». [Эмин 1767, 1: 259-260].

¹ Об однозначности характеров и поступков героев летописных сказаний вплоть до XVII века - См.: [Лихачев 1970 : 13-14].

Привлек этот рассказ и внимание Екатерины II, которая в «Записках, касательно российской истории» дала версию, стилистически близкую летописной. Ярополк «пришел, плакал зело и был неутешен, говоря: "О люди, люди, до чего вы довели!>". Но и Екатерина далее попыталась дать оценку действиям Ярополка, разобраться в мотивах его поступка: «Люди же иные порочили Ярополка, говоря, что он причина всему; имел слабость, слушая людские наговоры, другие же приписывали ему порок неумеренного властолюбия, будто он старался у брата отнять ему принадлежащее». [Екатерина II 1787, 1: 101].

Данный эпизод положен в основу разговора между Ярославом и Святополком в муравьевских «Разговорах мертвых». Муравьев значительно усилил мотивы слабости как основной причины действий Ярополка и его чистосердечного раскаяния; кроме того, Муравьев ввел мотив посмертного прощения. В версии Муравьева особенно отчетливо проявилось влияние эстетики сентиментализма. Как заставку к разговору Муравьев дает тезис: «Человек слабый и не имеющий твердости в разуме, повинуется побуждениям, которые он получает от других и, не будучи злодеем от природы, может сделать величайшие преступления, ежели окружающие его суть порочные люди» (I, 317)¹. Ярополк у Муравьева рассуждает так: «Я достоин был потерять ее (жизнь – И.Ф.), внеся первый в отечество мое слабою и трепещущею рукой пламенник междуусобия». [Муравьев 1790: Л.38, об.]. Святослав его утешает: «Олег, которого природа даровала тебе нежнейшим другом, и против которого ты дерзнул действовать, как против неприятеля, конечно, не само собою, но побуждением злобного Свенельда: Олег не сохраняет против тебя ни малейшего памятозlobия.<...> Все его беспокойство состояло в неизвестности, увидит ли здесь тебя с собою. С восхищением рассказывал он твои раскаяние, слезы, отчаяние, когда <...> ты бросился на хладные остатки его и, омывая слезами, вопиял ты: "Любезный брат! как могу я жить после

¹ Цитаты из [Муравьев 1819] даются в тексте, с указанием тома и страницы.

тебя, обременен виною смерти твоей? Мне, мне должно было умереть, которого жизнь будет вечным угрызением". Ярополк в ответ подтверждает: «Я не был рожден ненавидеть. Каждый день, препровожденный мною после сего страшного происшествия, был днем казни и сокрушения. Умереть стократ лучше, нежели жить с худою совестью» [Муравьев 1790: Л.38, об. – Л.39].

Многие тезисы своей исторической концепции Муравьев сформулировал в «Разговорах мертвых». Кроме того, в годы преподавания Муравьев создал цикл статей, посвященных ключевым моментам российской истории. Это «Эпохи российской истории», «Опыты истории писмен и нравоучения», «Краткое начертание российской истории», «Соединение удельных княжений в единое государство», «Письма к молодому человеку», «Древние области Новгорода». Несмотря на фрагментарность, они содержат единый взгляд на историческое прошлое России, ее место в ряду европейских стран. Фактически, речь шла о геополитике [Фоменко 1981: 175-184; Топоров 2001: 749].

Стремлению философски осмыслить историческое прошлое Муравьев научился у западноевропейских историков, таких, как Д.Юм, У.Робертсон, Э.Гиббон. Не менее важна была для Муравьева мысль о самобытности и качественном своеобразии любой национальной культуры, в том числе русской. Эта идея, немного позднее получившая свое полное воплощение в трудах И.Гердера, тогда только еще осваивалась европейской историографией.

Размышления о своеобразии национальных культур привели Муравьева к расхождению с европейской историографией в оценке средних веков. «Период безотрадный и темный», в котором томила Европа, совпал с «прекрасной, бодрой юностью русского народа...». По мнению Муравьева, именно Россия, а не Европа явилась подлинной наследницей греческой культуры. Период расцвета русской культуры совпадает с существованием новгородской республики, которой Муравьев дает весьма сочувственную оценку. Особенно откровенен он в черновых, оставшихся в рукописи набросках: «Новгород имеет свою историю, отличную от истории государства» [РНБ, Ф.499, №70: Л.8]. Сближаясь в ряде моментов с официальной трактовкой со-

бытий, согласно которой потеря республикой независимости была благодетельна для страны в целом, Муравьев яркими красками рисует картины разорения Новгорода, трактуя их как войну самодержавия с собственным народом. Внутренние причины гибели Новгорода, по Муравьеву, – эгоизм правящей верхушки, пренебрежение законами: «Вольность без законов существовать не может» [Разговоры мертвых 1790: Л.30-31].

Многолетние бедствия России в эпоху татаро-монгольского ига Муравьев тоже рассматривает как следствие эгоизма князей. В результате, как раз тогда, когда в Европе «редела тьма невежества от первых лучей просвещения», Россия погружается в порабощение варваров (II, 228). Расходясь с европейской просветительской мыслью, Муравьев подчеркивает, что высокий культурный уровень, просвещение не могут служить достаточной гарантией для преуспевания, – менее развитый народ оказывается более жизнеспособным. С этого момента, по мысли Муравьева, окончательно расходятся пути Европы и России. Существенно, что Муравьев предвосхищает популярную в русской историографии XIX века мысль об особой исторической миссии России, принявшей на себя основной удар восточных завоевателей: «Кажется, что народ российский издали готовился быть оплотом Европы от разлития варварских народов» (II, 232).

Возврат России в европейскую систему государств Муравьев связывает с петровскими реформами, хотя и дает им неоднозначную оценку. Будущее России для него неразрывно связано с будущим европейского сообщества государств, полноправным членом которого, при всей неповторимости своей культуры и своего исторического пути, является Россия.

В статье «Присвоение европейских нравов» Муравьев развивает популярную в европейской историографии XVIII в. мысль о том, что европейские государства образуют некое единство, систему государств: « все европейские народы представляют некоторое соединенное общество, признающее некоторые известные правила в мире и войне, сообразующееся с одной общественной пользою <...> и отличающееся от всех других народов одним образом

мыслей, просвещением, верою и вежливостью» (II, 379). Муравьева живо волновал вопрос о месте России в этой системе государств. Он утверждал, что именно благодаря деятельности Петра I Россия вошла в это сообщество в качестве полноправного члена: «Европа приобрела самым делом новую страну: и какую страну?. <...> Науки и просвещение расширили владычество свое на многие тысячи верст» (II, 377-378). Напомню, что карамзинская «Записка о древней и новой России» начинается с тезиса о системе европейских государств и утверждения: «В сию новую общую систему вошла и Россия» [Карамзин 1991: 16].

И одновременно Муравьев пытается объективно оценить фигуру Петра I, разобраться в последствиях его преобразований. Муравьев, бесспорно, прекрасно ориентировался в полемике по поводу оценки личности и деятельности Петра, которую вели в течение всего XVIII в. русские и французские ученые. Вольтер, в частности, считал, что Петр исключительно силой своего гения извлек из мрака невежества целую огромную страну. Согласно точке зрения Руссо, Петр тоже действовал один и при этом произвольно направил развитие страны отнюдь не идеальным образом: «...хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских» [Руссо 1969: 133]. Монтескье рассматривал эту проблему глубже. Он попытался выяснить, как соотносились действия Петра с положением дел в допетровской России. При этом Монтескье пришел к выводу, который настолько заинтересовал Екатерину II, что она практически дословно перевела его в своем «Наказе»: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы бывшие в то время со всем не сходствовали со климатом, и принесены были к нам смешением разных народов, и завоеваниями чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [Екатерина II 1770: 6].

Муравьев в своей статье перечисляет все существующие точки зрения, уже этим перечислением подчеркивая их относительность, односторонность:

«царствование Петра Великого представляет поводы к важнейшим размышлениям. Один человек переменяет совершенно вид пространного государства; приобретает толь неодолимую власть над другими и над собою, что заставляет отказаться от обычаев и нравов, в которых народы воспитаны были с младенчества, и столь же удобно вливает в них понятия новые и необыкновенные.<...> Какие причины, нравственные и политические, вспомоществовали предприятиям государя? Нашел ли он, как некоторые думают, в самом народе российском неожиданную удобность принять европейские нравы? Или непреодолимое трудолюбие <...> Петрово довольно для изъяснения сего важного происшествия? <...>Государь <...> ограничил себя должностию подражателя, когда мог быть сам зиждителем народного умоначертания. <...> не последуя одеянию и обращения немца и англичанина, россиянин мог участвовать в просвещении их и науках. То, что было похвально в российских нравах, несмотря на внешность, должноствовало бы остаться без перемены. Что в искусствах и упражнении, ежели гражданин сделался равнодушен к отечеству своему <...>? Сообразен ли был с истинною политикою сей поступок государя Петра I принудить народ к принятию иностранных нравов, или сей великий человек сам увлечен был слепым пристрастием к подражанию иностранного? Вот важные вопросы, достойные обратить на себя внимание всякого мыслящего человека» (II, 386-388). Этой фразой статья и заканчивается. Муравьев не счел возможным дать однозначный ответ на поставленные вопросы.

Раздумья Муравьева снова вызывают в памяти карамзинскую «Записку о древней и новой России»: «Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? <...> Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два Государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея наказы различные» [Карамзин 1991: 33]. Логика муравьевских рассуждений закономерно подвела его к той же мысли, которая им, правда, с такой четкостью, как у Карамзина, еще не сформулирована.

Статьи Муравьева содержат целостную картину исторического пути России, а его подходы в ряде моментов опережают европейскую историографию. Кроме того, впервые разговор о событиях русской истории велся так ясно и четко, таким чистым и простым языком.

Особенно пластично и выразительно обрисован образ Ивана Грозного. В фактической основе Муравьев не выходит за рамки трактовки Ивана Грозного, данной в источниках XVII в., однако стилистика Муравьева, попытка дать психологический портрет царя, безусловно, значительно опережали свое время.

На примере Ивана Грозного древнерусские писатели пытались продемонстрировать противоречивость человеческой природы, но делали это еще весьма примитивно: до кончины Анастасии Романовны Иван Грозный предстает под их пером как «образец доброго, мудрого и мужественного царя», после ее смерти «характер его резко меняется – от старого не остается и следа» [Лихачев 1970: 14]. Русские историки XVIII в. невольно следовали той же схеме. Напомню характеристику, которую в 1789 г. дал Ивану Грозному Т.С.Мальгин: «Царь сей весьма был крутого нрава, который первая его супруга <...> Анастасия Романовна разумом своим и приятностию умела только одна воздерживать, а после ее стал чрезмерно запальчив, к чему наиболее поощряли его бояра взаимными между собою смутами <...>; жестокость же нрава его особливо испытали беспокойные Новгородцы, <...> а по таким строгостям и вспыльчивости прозван Грозным; однако же был всегда справедлив, мужествен, остроумен, храбр, щедр и о политическом просвещении и благополучии народа весьма старателен» [Мальгин 1789: 80].

Сходную характеристику Ивана Грозного дает Ф.И.Янкович де Мириево: «Летописатели повествуют, что он был строг и вспыльчив, что и подало причину к названию его Грозным; но при том справедлив, храбр, в награждениях щедр, и особливо старателен о просвещении и благоденствии России» [Янкович 1799: 130]. Ни об опричнине, ни о походе на Новгород в этом пособии не сообщалось.

Муравьев обрисовывает характер царя в принципиально иной стилистической манере, даже не выходя за рамки традиционных трактовок. Особое внимание Муравьев уделяет рассмотрению причин, повлиявших на формирование его характера: «Беспокойное малолетство Иоанново ознаменовано клеветами и распрями вельмож. <...> Нашествия татарские и война с Литвою увеличивают несчастья сего смутного малолетства, которого беспорядки первые оставили сильные впечатления в душе младого Иоанна и, может быть, способствовали ко внушению ей суровости» (II, 272-273). Муравьев не перелагает ответственность с Иоанна на обстоятельства, сформировавшие его характер. Он с горечью отмечает: «удары мщения сопровождали его восшествие на трон. Низвергнуты Шуйские, и сердце юного Государя упоилось прелестями самовластья» (II, 274).

Изменения в характере Грозного, которые Муравьев традиционно связывает со смертью его первой жены, описаны так: «Были отъяты спасительные преграды насильственных страстей Иоанновых, и печальное удовольствие мести, недостойное монарха, покрыло славные деяния его мрачной тенью. Может быть, чувствование того, что он оскорбил жестокостью сердца народные, заставило его поверить безопасность особы своей толпе телохранителей, известных под именем Опричников. <...> Сии страшные орудия непредвидимой мести составляли непроницаемую преграду между государя и подданных» (II, 283)

Неоднократно возвращается Муравьев и к раздумьям о том, какие последствия для России имело царствование Ивана Грозного. В ряде заметок он отмечает, что Иван Грозный действовал суровыми методами но на благо России. В опубликованной посмертно статье «Историческое изображение России в XVII веке» Муравьев, однако, пишет: «Страшен вне и внутри Государства, но не имея владычества над собою, он похитил сам у себя исполнение предприятий своих насилием способов. Получив от природы опасный дар страстей, <...> он не имел счастья пользоваться выгодами хорошего воспитания.<...> Его отмищения были ужасны и увлекали его за предел общест-

венного блага. Все сопротивления уничтожались перед ним. Новгород, вельможи и татары были равно им уничтожены и обессилены» (II, 358-359). «Уничтожение Новгорода» так описано Муравьевым в статье «Соединение удельных княжений»: «Цветущие города приближаются к гибели, возбуждая его негодование. Новгород <...> обвиняется в тайном сношении с Сигизмундом и неизвестно еще, истина или клевета внушили сей донос. В самое то же мгновение пресекаются все пути сообщения между Москвой и Новгородом, и царь прибытием своим предупреждает слух о его походе.<...>Скоро целый город становится позорищем свирепства Опричников; пять недель продолжаются казни, и Новгород, истощенный, изнемогающий, утратил буйное своеволие свое вместе с многолюдством и богатством» [Муравьев 1810: 226 – 227].

Еще более резок Муравьев в оставшейся в рукописи статьи «Четвертая эпоха Российской истории», посвященной тем же событиям: «Иоанн помрачил сии (1сл. нрзб,) дарования оскорблением человечества, самовластьем, которое переходило пределы правосудия. Между соотечественными писателями облачаемый именем Грозного, иностранными Тираном злословимый, он вел кровопролитные войны с Польшей и Швецией. <...> Суровость его и самое семейство его печаливала. По кончине его Россия в пущее бедство повержена». [РНБ. Ф.499, № 80: Л.1].

Исторические труды Муравьева долгое время были известны только в редакциях его публикаторов, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, К.Н.Батюшкова. Однако рукописи Муравьева свидетельствуют, что он был новатором во всем, что касалось стиля исторического повествования. Мало того, редактирование исторических трудов Муравьева могло помочь Карамзину в его работе над «Историей государства Российского». Следы внимательного чтения Муравьева просматриваются и в «Записке о древней и новой России».

Жанровое и стилистическое своеобразие исторических работ Муравьева во многом определялось его педагогическими задачами. Муравьев не был

и не считал себя профессиональным историком или преподавателем. Тем не менее, его исторические и педагогические опыты и поныне дороги нам стремлением осмыслить исторический путь русского народа, понять, в чем состоит самобытность русской культуры, стремлением воспитать у читателя уважение к историческому прошлому своей страны: «Мы ходим по земле, обгащенной кровью предков наших». Краткость и изящество стиля, полное преодоление зависимости от летописной манеры изложения, умелая беллетризация – эти и многие другие несомненные достоинства работ Муравьева вносят существенные детали в наши представления о педагогических поисках докарамзинской историографии.

Литература

- Батте Ш. Начальные правила словесности. М., 1807. Т. 1 - 4.
 Екатерина II Записки касательно российской истории. СПб., 1787. Ч. 1 - 6.
 Екатерина II Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Второя, данный Комиссии о сочинении нового уложения. СПб., 1770.
 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
 Кузьмин А.И. Военная тема в сатирических разговорах в царстве мертвых // XVIII век. Сб. 10. Л. 1975, С. 87-91.
 Летопись Нестерова. СПб., 1767.
 Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970.
 Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950- 1959. Т.1-10.
 Мальгин Т.С. Зерцало российских государей с 862 по 1789 год. СПб., 1789.
 Муравьев М.Н. Разговоры мертвых. [СПб], 1790. По этой прижизненной публикации, хранящейся в ГПИБ, воспроизводятся цитаты, особенно заметно отредактированные при подготовке посмертных публикаций.
 Муравьев М.Н. Опыты истории, письмен и нравоучения. М., 1810. Ч. 1-2.
 Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819-1820. Ч. 1-3.
 Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961–1971. Т. 1-3.
 Русский биографический словарь. СПб., 1896 - 1918. Т. 1-27.
 Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С.133.
 Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3 (Р-Я) . СПб., 2010.
 Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т.2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга 1. М., 2001.
 Фенелон Ф.С. Новые разговоры мертвых. СПб., 1768.
 Фоменко И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева. // XVIII век. Сб.13. Л., 1981. С.167-184.
 Фрейер И. Краткая всеобщая история с присовокуплением Российской истории для употребления юношества. М., 1769.
 Эмин Ф.А. Российская история. СПб., 1767.
 Янкович де Мириево Ф.И. Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ. СПб., 1799.